

- Ну, давайте на кухне. Садитесь. - Андрей Битов сделал неопределенный жест. Я села на нечто, напоминающее табурет.

- Нет, вам там будет неудобно, давайте на стул. А вы можете отгадать, что это такое? - Жму плечами. Битов поясняет: - Это ящик для игрушек, который был еще у моей мамы.

Табурет переворачивается и действительно оказывается ящиком с узкой щелью чуть ли не от пола.

- Вот смотрите, как разумно все сделано: ребенок может просунуть руку и достать любую игрушку.

Андрей Битов - легенда семидесятых. Его «Пушкинский дом», долго ходивший в списках и печатавшийся отрывками то тут, то там, в свое время произвел потрясающее впечатление на интеллигенцию. Как писал об этом Андрей Арьев, «Битов был уже новой литературой, сравнимой с «Улиссом» Джойса».

В этом году у Битова вышли две книги - прекрасное издание «Пушкинского дома» и «Предположение жить 1936», о последнем годе жизни Пушкина. Слишком хорошо изданные, слишком дорого стоящие, эти книги как бы не от мира сего.

Гастарбайтер

- Андрей Георгиевич, как удастся сегодня такие книги издавать?

- Понимаете, так называемое бескорыстие большевиков - работать ни за что и сообщать - я впервые познал за последний период. Кто-то нашел деньги, кому-то понравилась идея - сами видите, какие книги удалось выпустить. На Западе такие бы не вышли. Запад ничем не лучше нас, только лучше организован. А во многом хуже. Там вы никому не объясните, что вот это надо сделать, потому что это хорошо. А здесь еще это возможно. В общем, жить надо у себя и делать надо у себя.

- Все же вы часто живете не у себя. - Потому что зарабатывать надо. Я гастарбайтер. Я зарабатываю на свою независимую жизнь и не завишу от тупости представления моего издателя, который решает, книга пойдет или не пойдет.

А эти книги... Они никогда больше не будут изданы. Это букинистика. Они могут быть не прочтены, но это не те книги, которые выбрасывают. Не то что я рассчитываю на посмертную славу - я рассчитываю на книгу. Где-то я читал, что был человек по фамилии Струйский, чудовищный графоман, и у него была своя типография в поместье. И он издавал себя. Читать невозможно, но тем не менее его книги сейчас являются одними из самых ценных - как редкие марки.

- «Пушкинский дом» для вашего поколения - легенда. Сейчас вы легенду переиздали. Вы видели своего нового читателя?

- Нет еще. Но я знаю, что мой читатель меня читает.

- Вы имеете в виду старого читателя?

- Нет, не только. Ничего ведь не изменилось: так же приходили к чтению книжечек тогда, как приходят сейчас. И учтите, что объявление всего, что я написал, сложным и заумным, во многом сделано не вполне доброжелательной критикой ко мне. Вещи-то у меня ясные и простые. А потом, простите, я приглашаю человека думать.

Ощущение «урки»

- Впечатление, что вы поначалу старались, чтобы «Пушкинский дом» не был напечатан: вы относили роман в издательство, а потом делали все, чтобы рукопись, не прочитанную начальством, вернули на доработку.

- Но у меня же был непечатаемый роман, я это понимал.

- А зачем носили?

- Я был связан договором. Да, я обманул издательство, я прекрасно знал, что пишу такой роман, который никогда не будет напечатан. А с моими хождения-

«Пушкинский дом» - роман о герое нашего времени, каким он представлялся в семидесятые. Главный персонаж - Лев Одоевцев, филолог, выросший в советской семье дворянского происхождения, внук репрессированного дедушки. По легенде, роман возник из истории про то, как два сотрудника остались дежурить в музее на праздники, учинили дебош, а потом успели все исправить так, что никто ничего не заметил.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Битов Андрей Георгиевич. Родился в 1937-м. Окончил Горный институт, был начальником буровой неподалеку от Ленинграда. В марте 63-го вышла первая книга - сборник рассказов «Большой шар». Позже вышли «Дачная местность», «Аптекарский остров». Осенью 68-го Битов подает заявку в издательство «Советский писатель» на роман «Дом». Далее «Дом» превращается в «Пушкинский дом», кочует по издательствам, распространяется в списках. В 78-м «Пушкинский дом» вышел в Америке, в издательстве Ardis.

Сегодня Андрей Битов регулярно выступает с лекциями на Западе, а «Пушкинский дом» активно изучается студентами филологических факультетов всего мира. За последние десять лет в России вышло не меньше десяти книг Битова, среди которых - «Оглашенные», «Вычитание зайца» и недавнее «Предположение жить».

Андрей БИТОВ:

ДО СИХ ПОР ЖИВУ

с ощущением «урки»

Комсомольская правда - 1999 - 22 июля - с. 11

ми юридически все сходилось. Хитроумие. Без хитроумия никуда. Я понимал, что это не вполне дворянское поведение - а что было делать? Диссиденты любили в декабристах осуждать то, что они «кололись». Но декабристы не могли лгать. Их спрашивал такой же дворянин. Это было нормой поведения. А у нас было уголовное общество, существовавшее по системе страха и дисциплины, - такая зона, а в ней уже был ГУЛАГ похуже. И вот зноное сознание работало, чтобы все время обманывать. Я до сих пор с некоторым ощущением урки живу: я властям правды никогда не скажу, потому что им не верю. «Что-то вы с нами неискренни, Андрей Георгиевич». Я же слышал это на вызовах. А с чего я должен быть искренним?

- Сегодня вроде бы власти от писателей ничего не требуют, а вот тексты, которые читала бы вся страна, как-то не пишутся...

- У нас столько гласности, что мы абсолютно не понимаем, что происходит. Пока ее не было, люди ловили интонацию даже наших газет. И знали, чему верить, чему не верить. Общая картина была, несмотря на запреты. А сейчас отсутствуют запреты, а общей картины нет. Ни в одном сознании. Размыло все плотинами - наводнение, и мы в нем барахтаемся. Очень много фрустрации произошло и с народом, и в эмигрантской среде, потому что все думали, что все упирается только в систему, в строй. А это был партнер. Очень легко было быть писателем, который осмелился что-то сказать против. Уже никто не думал о качестве текста. А потом система исчезла - и текста нет.

У меня один проект был замечательный, но не удался: в прошлом году я хотел делать сериал «Империя добра». Империя зла - это всем понятно, а вот империя добра в том, что люди-то живут всюду. Даже в концлагере, на фронте, в окопе. И люди неизбежно минимизируют этот ужас жизни. Это могут быть пьянки, беспорядочные любви, просто тепло - человеческие отношения, которые без всякого диссидентства противостояли злу. А одновременно с крушением строя была разрушена и эта связь. И не стоит думать, что это ностальгия по ушедшему режиму - это ностальгия по утраченному теплу.

«Я сбежал с юбилея Пушкина»

- За последний год у вас было несколько акций к юбилею Пушкина. Чтение черновиков под джаз, ваши с Габриадзе мультфильмы, «Предположение жить». Как вы само двухсотлетие пережили?

- Я предвидел слишком хорошо, что будет с юбилеем Пушкина. Это не сложно было предвидеть. Я сбежал с юбилея в деревню, и слава Богу.

- Все же и вы, и ваши проекты - в том

же юбилейном потоке. Поток этот вызывает отторжение. Раньше вы писали, что пушкинофобов нет. Теперь-то они есть!

- Конечно, заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет - с нашей помощью можно отвратить от чего угодно. Но все же я занимаюсь этим много лет, и все мои проекты, прямо скажем, не новенькие. Проект мультфильмов, например, мы с Резо Габриадзе придумали в начале 80-х годов. Сейчас просто жатва произошла, поскольку юбилейный год провоцировал. Правда, один проект не удался, мы просто не успели все сделать - должен был быть кукольный спектакль в Веймаре: Резо Габриадзе написал сказку, в которой Пушкин превращается в бабочку. Грустно и прекрасно.

- Раньше к вашему увлечению Пушкиным относились настороженно, в развязности тона обвиняли. Изменилось ли отношение пушкинистов?

- Пушкинисты ко мне относятся по-прежнему с подозрением, но я набрал все-таки такую известность, что они не очень это высказывают.

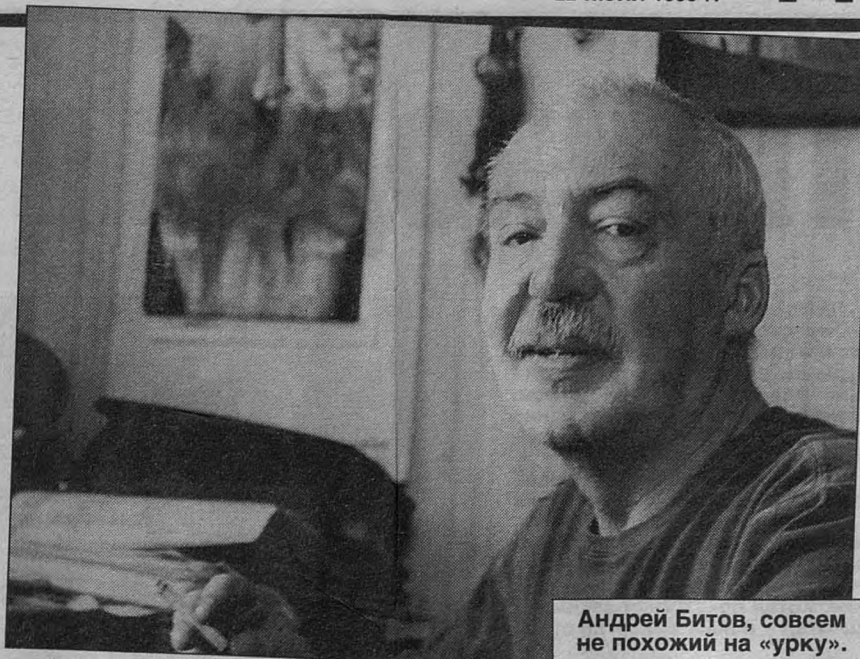
- А что писать-то? Написал? Хорошо, хватит. В прошлом году, когда удалось спровоцировать ситуацию и поставить наконец памятник Мандельштаму во Владивостоке, я этому радовался больше, чем любой своей книге

- Две первые фразы в книге «Предположение жить»: «В любви нашей к Пушкину всего много. И, конечно, она давно уже больше говорит о нас, чем о нем». Что о вас можно узнать из вашей книги о Пушкине?

- Надеюсь, что ничего.

- Ой ли?

- Ну если вы что-то узнали, то мне было бы это интересно. Я же могу только рассказывать о том, что делалось во время написания. В тот момент мне было очень плохо - после «Метрополя» все возможности печататься были закрыты, но я не эмигрировал. Мне нужно было хоть где-то быть опубликованным, чтобы сразу поняли, что я разрешен. Но потом отпустили всех понемногу - напечатали сначала Вознесенского, потом Ахмадулину, и дошла очередь до меня. Позвонили из «Литературки», попросили что-нибудь написать. Как раз набежала очередная день рождения Пушкина. А статья о Пушкине была прерогативой как минимум секретаря Союза писателей. И я говорю: я напишу статью о Пушкине. Была заминка, что-то выясняли, потом сказали - ладно. Я на-

Андрей Битов, совсем не похожий на «урку».

писал, но продолжал быть в запрете, эта публикация ничего мне не открывала. И я прожил с Пушкиным самую глухую пору своей жизни. Он мне чрезвычайно помог. Пушкин же легкостью своей и гениальностью обычно ничего, кроме зависти и восхищения, не вызывает. А сочувствие? Увидев, как маялся этот человек, не мне чета... Ну, я же человек, мне легче стало. Тем более все равно оставались друзья. Я сидел в Абхазии, в крестьянском дворе, меня кормили, чем положено в Грузии, пил домашнее вино, писал своего Пушкина.

«Я прожил 300 лет»

- В последнее время вы очень часто воплощаете в жизнь старые идеи. Вам не надоедают проекты еще на стадии замысла?

- Во-первых, замыслы не устарели. Во-вторых, я даже не думал, что в такой полноте их можно воплотить. И это не значит, что я каждый день вспоминал про книгу «Предположение жить» и думал, когда же я ее издам. У меня на каждую книгу уходит по тридцать лет - если все сложить, то я прожил триста.

- А как с новыми романами?

- Сейчас я уже не рассчитываю, что могу аутентично отразить то, что происходит. Схватить время и выразить его - это подвиг. Это удел молодых. Когда я с великими муками заканчивал «Оглашенных» (был девяносто третий год), я понял, что больше этим не буду заниматься. Я уже поднял роман, который фиксирует время, не смогу. Остались другие способы. В частности, эссеистика - хороший, подвижный жанр.

«У меня было много якорей»

Андрей Битов замолкает, потом достаёт пачку табака, но классическая картинка - Битов с трубкой - не получается.

- Между прочим, эта фирма мне должна, потому что я ввел этот табак в эксплуатацию в России с семьдесят пятого года. Но тогда я был большим оригиналом, приучил к этому табаку чуть ли не тысячи людей, а теперь его можно купить в ларьке. А на тех пачках, которые продаются в дьюти-фри, пишут высказывания для путешествующих. Этот табак я открыл вчера, сейчас прочитаю.

Битов всматривается в буквы, всем видом своим пытаясь дать понять: это не заготовка, высказывание читается в первый раз. Получается гадание по табаку.

- Тут по-английски, это из Эпиктета. «Столь же важно не крепить наш корабль к одному маленькому якорю, как и не прикреплять нашу жизнь к одной-единственной надежде». Вы спрашиваете, не устарили ли мои замыслы? У меня просто было много якорей. И теперь я, до того как моя лодка отчалит навсегда, по одному поднимаю эти якоря.

Беседовала Валентина ЛЬВОВА.
Фото автора.